

Председателю Московского городского суда
Егоровой О.А.

Защитников:

В.В. Ключганта

Е.Л. Левиной

Н.Ю. Тереховой

в защиту М.Б. Ходорковского

НАДЗОРНАЯ ЖАЛОБА

в порядке ч. 4 ст. 406 УПК РФ

Приговором Хамовнического районного суда г. Москвы от 27.12.2010 М.Б. Ходорковский осуждён по п.п. «а, б» ч. 3 ст. 160 УК РФ (в редакции Федерального закона № 63-ФЗ от 13.06.1996) к лишению свободы сроком на 8 лет, по ч. 3 ст. 174-1 УК РФ (в редакции Федерального закона № 60-ФЗ от 07.04. 2010) к лишению свободы сроком на 9 лет. В соответствии с ч. 3, 5 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений путем частичного сложения наказаний ему назначено наказание в виде лишения свободы сроком на 13 лет 6 месяцев, частично присоединён неотбытый по предыдущему приговору срок наказания, окончательно к отбытию определено 14 лет лишения свободы. Этим же приговором по тому же обвинению к такому же наказанию осуждён П.Л. Лебедев.

Определением Судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 24.05.2011 указанный приговор незначительно изменён: несколько уменьшен объём якобы «похищенного» и «легализованного», применена новая редакция норм Особенной части УК РФ и на 1 год снижен срок наказания. В остальной части обжалуемый приговор оставлен без изменения, а кассационные жалобы стороны защиты, в которых была обоснована необходимость прекращения дела в связи с отсутствием состава преступления и заведомо ложным характером обвинения - без удовлетворения.

Постановлением судьи Московского городского суда от 14.11.2011 (*далее обжалуемое постановление*) отказано в удовлетворении надзорной жалобы защиты, в которой были обоснованы несостоятельность, незаконность и необоснованность вышеуказанных приговора и кассационного определения и вновь поставлен вопрос о прекращении дела в связи с отсутствием состава преступления, заведомо ложным характером обвинения и многочисленными фундаментальными нарушениями требований закона и прав осуждённых.

Вынесению *обжалуемого постановления* предшествовали четыре(!) месяца, в течение которых надзорная жалоба находилась во вверенном Вам суде. Вы и Ваш заместитель неоднократно письменно сообщали нам в ответ на наши запросы и жалобы по поводу грубейшего нарушения установленного законом тридцатидневного срока рассмотрения надзорной жалобы, что столь огромный срок необходим для «тщательной проверки всех доводов жалобы» с истребованием дела. Несмотря на такую «особо тщательную» проверку наших доводов, практически все приведённые в *обжалуемом постановлении* «основания» отказа в удовлетворении надзорной жалобы представляют собой не что иное, как стандартный набор бюрократических приёмов, используемых для создания видимости исполнения судом своих обязанностей (п. 16 ст. 5, ст.ст. 14, 15, 16, 408 - 410 УПК РФ), а в действительности – для уклонения от их исполнения. К числу таких приёмов, в частности, относятся: игнорирование доводов жалоб или их искажение (в том числе путём вырывания из контекста); пересказ, под видом собственных выводов суда надзорной инстанции, именно тех доводов и выводов приговора и кассационного определения, которые нами оспариваются и обоснованно опровергаются; голословные (без учёта доводов жалоб) шаблонные фразы о «законности и обоснованности» приговора и кассационного определения и «отсутствии нарушений закона», влекущих их отмену. Невозможно обнаружить в *обжалуемом постановлении* и каких-либо следов непосредственного изучения материалов дела и сопоставления с ними как доводов наших жалоб, так и судебных актов первой и кассационной инстанций. При таких обстоятельствах не имеет смысла вновь приводить здесь хорошо Вам известные, подробно изложенные в наших предшествующих жалобах (их копии прилагаются), никем и ничем не опровергнутые доводы о заведомой незаконности и необоснованности обжалуемых судебных решений по данному делу. Все свои доводы мы, разумеется, по-прежнему полностью поддерживаем.

Вместе с тем, наряду с упомянутым стандартным бюрократическим набором, в *обжалуемом постановлении* на стр. 7 - там, где речь идёт о стоимости «похищенного», определяемой как его фактическая стоимость на момент совершения преступления - всё же содержится один вывод, требующий отдельного комментария. Можно предположить, что именно в нём заключается истинная причина столь грубого нарушения вверенным Вам судом сроков рассмотрения надзорной жалобы, поскольку он воистину поражает новизной и глубиной, претендуя на уровень открытия в области права и экономики. Этот «вывод – открытие» состоит в следующем: **«...следует признать, что стоимость добытой из недр нефти, которая обладает ценностью именно как полезное ископаемое, не может равняться всего лишь сумме затрат на её добычу»**. Несомненная новизна этого открытия с правовой точки зрения состоит в ниспровержении общеизвестной и основополагающей доктринальной истины о том, что иметь стоимость (и, соответственно, являться предметом хищения) может лишь такой предмет материального мира, в создание (приобретение) которого вложены человеческий труд и понесены иные затраты. И наоборот: любые предметы (включая находящиеся в недрах полезные ископаемые), в которые такой труд не вложен и такие затраты не понесены, именно в силу этого обстоятельства стоимости не имеют и предметом хищения быть не могут. Исключительно по этой причине, как необычайно точно подмечено на той же странице *обжалуемого постановления*, «из содержания многочисленных инструкций ...следует, что сумма затрат на производство продукции является её себестоимостью». А себестоимость, в свою очередь, и является фактической стоимостью произведённой продукции. Однако, как следует из *обжалуемого постановления*, эта истина далее «не может быть» таковой и подлежит в каждом

конкретном уголовном деле одобрению или отклонению судьёй Московского городского суда по критериям, известным только ему. Не менее впечатляющей является и новизна этого открытия с экономической точки зрения¹. Как следует из *обжалуемого постановления*, фактическая стоимость нефти (она же - «стоимость похищенного») на российском промысле в Сибири или Самарской области именно потому равна URALS - стоимости нефти, доставленной на борт судна в порту Августа (Италия) или Роттердам (Нидерланды), что **«нефть обладает ценностью именно как полезное ископаемое»**. Ничего другого думать не остаётся, поскольку *это* - единственное обоснование, по которому суд надзорной инстанции согласился с подходом судов первой и кассационной инстанций (в свою очередь, заимствованным ими у обвинения) к определению фактической стоимости якобы «похищенной» нефти. Подходом, при котором затраты на экспортирование нефти из России, в действительности оплачиваемые экспортёром (покупателем), но никак не производителем: уплата экспортных налогов и пошлин в бюджет РФ, оплата транспортировки нефти с мест добычи в Западную или Северную Европу, фрахта, страхования, финансирования и т.д. - должны, вопреки очевидному, непременно включаться в фактическую стоимость нефти именно у производителя, на промысле в России, в составе которой их на самом деле нет, и быть не может.

Отдаём должное столь новаторскому и эксклюзивному подходу Мосгорсуда. Но всё же убеждены, что уголовное дело, даже если оно в отношении М.Б. Ходорковского, включая поданные по нему жалобы стороны защиты, подлежит разрешению не подобным «экспериментальным» путём, а в соответствии со смыслом и содержанием уголовно-правовой доктрины и на основании требований Конституции РФ: равенство всех перед законом и судом и правовая определённость как его неотъемлемая составляющая; презумпция невиновности; право на защиту (предполагающее, как минимум, наличие у предъявленного обвинения сущности, доступной для понимания обвиняемым и его защитниками); недопустимость привлечения к ответственности за деяния, не предусмотренные уголовным законом; и основанных на этих фундаментальных принципах требованиях уголовного и уголовно-процессуального закона.

Поскольку налицо очевидное попрание всех этих, и многих других, требований закона, а также учитывая неизменно декларируемую Вами принципиальную позицию о том, что *«...встречаются такие случаи (осуждения невиновных – прим. авт.), но мы стараемся оперативно выявить эти ошибки и устранить»*, а также о том, что *«...у нас нет задачи кого-то посадить и уничтожить...»*², полагаем, что Вы используете полномочия, предоставленные Вам ч. 4 ст. 406 УПК РФ, а именно: не согласитесь с решением судьи об отказе в удовлетворении нашей надзорной жалобы, отмените его и вынесете постановление, предусмотренное п. 2 ч. 3 ст. 406 УПК РФ.

Приложения:

- копия постановления судьи Московского городского суда от 14.11.2011 об отказе в удовлетворении надзорной жалобы на 9 листах;

¹ Мы надеемся, что комментируемым здесь выводом *обжалуемого постановления* не было отменено упомянутое на той же его странице сформулированное Пленумом ВС РФ разъяснение понятия стоимости похищенного, определяемой как его фактическая стоимость на момент совершения преступления. Поэтому далее исходим именно из этого разъяснения, соответствующего смыслу закона и уголовно-правовой доктрине.

² "Российская газета" - Федеральный выпуск №5640 (264); 24.11.2011 и мн. др.

- копия кассационного определения судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 24.05.2011 на 70 листах;
- копия приговора Хамовнического районного суда г. Москвы от 27.12. 2010 года на 345 листах (689 страницах);
- копии кассационных жалоб защитников:
 - от 31 декабря 2010 года на 5 листах (9 страницах);
 - от 11 января 2011 года на 4 листах (8 страницах);
 - от 29 апреля 2011 года на 32 листах (64 страницах);
- копия надзорной жалобы защитников от 13.07.2011 на 6 листах.

- ордера адвокатов.

Защитники - адвокаты:

28.11.2011.

В.В. Ключгант

Е.Л. Левина

Н.Ю. Терехова